

Доклады к Совещанию 1906- го года

В октябре 1906-го г. несколько товарищей коммунистов - анархистов собрались в Лондоне для обсуждения разных вопросов, выдвинутых опытом тогда еще молодого анархического движения в России. На этом совещании были прочтены несколько докладов, среди которых три доклада — о политике и экономике, об организации, и о всеобщей стачке — были представлены тов. Корн.

- К вопросу о политике и экономике
- Об организации
- Всеобщая стачка

К вопросу о политике и ЭКОНОМИКЕ

1906, источник: М. Корн "Революционный Синдикализм и Анархизм; Борьба с Капиталом и Властью; и др", - СПб-М.: Голос Труда, 1920.

Доклады к Совещанию 1906-го года

В октябре 1906-го г. несколько товарищей коммунистов - анархистов собрались в Лондоне для обсуждения разных вопросов, выдвинутых опытом тогда еще молодого анархического движения в России. На этом совещании были прочтены несколько докладов, среди которых три доклада — о политике и экономике, об организации, и о всеобщей стачке — были представлены тов. Корн.

Кому из нас не приходилось задумываться над „роковой задачей" отношения теперешнего русского революционного движения к нашему экономическому и политическому идеалу? Кто не мучился над вопросом о том, каково в происходящей борьбе положение социалиста; каково, в особенности, положение анархиста? Трудный и сложный вопрос „политики" и „экономики" стал перед нами с самого начала нашей деятельности в России. Борьба, идущая у нас, — и экономическая, и политическая; но, если оставить в стороне крестьянство, среди которого нашим товарищам до сих пор работать почти не приходилось, то во всех остальных классах общества экономическая борьба отступает на задний план перед политической задачей свержения самодержавия.

Этой политической задаче служат даже такие по существу экономические движения, как рабочие стачки. На знамени же политического движения написаны конституция, учредительное собрание, республика и прочие лозунги, для анархиста положительной цены не имеющие. Бороться с самодержавием — прекрасно; но не значит ли это бороться вместе с тем за идеал „правового государства идеал лишенный для нас всякого обаяния? Как выйти из этого противоречивого положения?

Вот вопрос, который всегда ставили себе наши товарищи, и не находили на него такого ответа, который удовлетворил бы их потребность последовательной мысли и их потребность в активной борьбе.

Видя, как все силы массового рабочего движения уходят на чисто политические манифестации, как, в области экономической, самые крупные рабочие стачки не идут дальше требования ничтожных улучшений, как отодвигается на задний план социалистическая идея в деятельности крайних партий, наши товарищи прежде всего стали пытаться противодействовать такому понижению роли и размаху совершающейся

революции. Но не впали ли они, по крайней мере в теории, в некоторую, противоположную, крайность, ставя всякое экономическое движение выше всякого политического? Если мы оглянемся на содержание нашей пропаганды в России, то не окажется ли, что мы, подчеркивая наше оппозиционное отношение к другим партиям, упустили из виду ту бесспорную, хотя, может быть, для некоторых и кажущуюся парадоксом истину, что анархисты, в сущности, — наиболее „политики“ из всех социалистов, так как для них освобождение личности от государственного ига играет на меньшую роль, чем ее освобождение от гнета экономического. Почему мы не миримся с идеалом социальдемократического государства, которое, во всяком случае, поднять уровень экономического благосостояния может? Именно потому, что мы — не чистые экономисты. Повсюду в Западной Европе и Америке анархисты боролись с обеими формами угнетения: с капитализмом и государством. Рядом с революционными стачками и актами „экономического“ террора, мы находим в их деятельности такие яркие акты политического протеста, как убийство итальянского короля или испанского министра Кановаса. И никто, конечно, не скажет, что Анжиолилло или Бреши были либералами и отдали свою жизнь ради достижения испанской или итальянской республики. Грядущая социальная революция — в представлении именно анархистов — не будет революцией чисто экономической: она начнет с экономического акта, с экспроприации, но, вместе с частной собственностью, уничтожит и государство. Вот почему не нужно впадать в односторонность по отношению к происходящей политической революционной борьбе: эта борьба необходима не для того, чтобы современный строй заменился строем конституционным, а для того, чтобы рядом протестов против наличной государственной формы, против наличного гнета сделать возможным восстание против всякого гнета. Расширять эту борьбу до таких пределов, не давать ей успокоиться, не давать установиться не существующему еще пока в России культу закона и легальности — дело анархистов. Ту часть этой работы, которая касалась критики грядущего парламентаризма, наши товарищи все время вели и ведут в России; но это — не самая трудная часть. Это — начало, а затем ведь нужно показать, к какой освободительной борьбе мы призываем, и притом призываем сейчас; какова намеченная нами цель и каков наш план действий по пути к ней.

Упустить это из виду, сосредоточиться только на критической сторожке задачи — в высшей степени опасно: можно вызвать разочарование в поставленных целях и принятых способах борьбы, не дав взамен их новых, и вместо того чтобы поднять революционный дух, вызвать, наоборот, упадок его.

Нужно сказать, что в этом отношении работа наших товарищей в России страшно трудна, хотя бы уже потому, что каждому приходится целиком продумать все самому, и не только продумать, но и найти средства пропаганды. Положительная часть нашей программы для России до сих пор была разработана мало. Имеющаяся у нас литература носит почти исключительно теоретический характер и имеет целью ознакомление с основными идеями и целями анархизма. О практических путях и средствах борьбы в ней говорится, в виду этого, лишь в очень общей форме: постольку, поскольку это нужно для обрисовки практических выводов из известной принципиальной точки зрения. Наши западноевропейские товарищи в этом отношении находятся в лучших условиях: современное рабочее движение вызвало (особенно во Франции и в Испании) целую литературу о всеобщей стачке, рассматриваемой как начало социальной революции, и анархисты располагают для своей пропаганды целым

рядом данных — брошюр, газетных статей, докладов на с'ездах — в которых разбираются те меры, которые предстоит принять рабочим в момент когда удачное революционное движение сделает их господами положения.

Было бы в высшей степени важно, если бы наши товарищи в России подумали о выработке такого рода практических программ, в соответствии с особенностями положения и момента, и чтобы при новом взрыве массового движения они не оказались лишь участниками — может быть, более решительными, более непримиримыми — борьбы, вдохновляемой не их лозунгами, а могли бы внести в это движение и свою собственную мысль.

***

Мысль, что анархисты — лишь провозвестники будущего, время которого еще не пришло, апостолы далекого от осуществления идеала — мысль очень распространенная среди людей „сочувствующих" анархизму. С кличкой мечтателей и утопистов мы всегда легко мирились и она нас нисколько не задевает. Но что серьезно глубоко-трагично по существу, это — следы той же мысли у самих наших борцов.

Кому из нас не случалось слышать, как с болью, чуть не со слезами на глазах, говорится при вести о новых потерях, о новых казнях: „Еще и еще раз погибли лучшие товарищи, и все какие ценные молодые жизни, какие чистые типы нравственной красоты! И подумать только, что все это — пушечное мясо, что этими самоотверженными руками загребают жар одна только либеральная буржуазия! Если бы они погибали хоть для нашего идеала, если бы они хоть могли видеть, за что отдают свою жизнь!" И нужно заметить, что ни одного не остановило это, ни один не пожалел себя: везде и всегда анархисты оказывались там, где всего сильнее кипит борьба.

Остановимся однако на минуту, отвлечемся от привычных, шаблонных, принятых мнений и спросим себя: действительно ли русская революция должна привести всего на всего к господству либеральной буржуазии? Действительно ли мы переходим, согласно известной исторической теории, в ту самую стадию общественного развития, в которую сто лет тому назад перешла Франция?

Если стоять на фаталистической точке зрения ортодоксального марксизма, то, конечно, надо ответить утвердительно; но если мы от этой точки зрения отрешимся и постараемся рассуждать вне ее, то что мы увидим? Русская революция совершается в момент, когда во всем человечестве идет движение под знаменем социализма.

Впродолжении всего XIX века выработывалась, на почве разочарования в экономических результатах французской революции, социалистическая идея. Она родилась в рабочих массах западной Европы, а оттуда перешла в Россию, сначала в передовую интеллигенцию, затем, по мере изменения общих экономических и культурных условий, и в рабочие массы.

В настоящее время русский рабочий стоит на уровне западно-европейского, и ни в своей жизни, ни в своих идеалах не воспроизводит того, чем был француз XVIII века, как и

социализм русских социалистов не имеет ничего общего с идейными веяниями современников Великой Революции. Россия не была отделена китайской стеной от остального мира; она развивалась с ним вместе и не может, поэтому, повторять, повинуюсь исторической схеме то, что происходило в других странах 100 или даже 50 лет тому назад. Раз социализм встал, как цель, перед всем человечеством, Россия, как участница общего движения, не может сознательно отвернуться от него, не может остаться вне хода современной истории.

В России ставятся те же вопросы; те же, как и повсюду, задачи ее движения. Я раз задача поставлена — значит она осуществима; раз была возможность, была почва для ее постановки, то, значит, есть возможность и для ее проведения в жизнь.

Но это проведение в жизнь требует усилий людей; оно возможно, осуществимо в той мере, в какой эти усилия приложены; оно — не мечта, в той мере в какой сами деятели не считают его мечтой. Учесть шансы того или другого течения в революционное время, ускоренного темпа жизни — более чем трудно, и лучше ошибиться в сторону переоценки своих сил, чем наоборот.

Излишней смелости мысли и дела быть не может, а недостаток их может быть очень вреден. Предоставим самой жизни урезать то, что окажется преждевременным или неприложимым; она всегда сделает это, более чем в достаточной мере. Наше дело — стремиться к достижению как можно более широкопоставленных целей, к достижению нашего идеала во всей его полноте, а степень проведенного в жизнь будет соответствовать степени энергии нашей работы и нашей веры в победу. И как бы много разочарований ни встречало нас на пути, будем помнить великие слова Лаврова: «Побежден лишь тот, кто признает себя побежденным!»

Об организации

1906, источник: М. Корн "Революционный Синдикализм и Анархизм; Борьба с Капиталом и Властью; и др", - СПб-М.: Голос Труда, 1920.

Анархистов чаще всего упрекают в том, что они не признают организации. Основан, однако, этот упрек на совершенно ложном представлении о том, что такое анархизм, и что такое организация. Дело представляется обыкновенно так, что анархизм, это — хаос, беспорядок, вражда каждого против всех, тогда как организация это — гармония, поддерживаемая строгою дисциплиною, подчиняющею волю массы воле немногих избранных.

Такое узкое понимание слова „организация“, а также и незнакомство с основными принципами анархизма, привели к тому, что по этому вопросу — особенно у нас, в России, где организационные вопросы, в силу конспиративных условий, приобретают особенную важность — создалась целая масса предрассудков, еще более глубоких и укоренившихся, чем по вопросам политики или эко номики.

Что такое организация? — Всякое человеческое общество организовано известным образом, и чем сложнее его культура, чем разнообразнее его потребности, тем более стремится оно к типу организации, которая представляла бы одновременный рост общественной солидарности и индивидуального развития составляющих общество единиц. Общественная связь людей, лишенных чувства независимости и личной инициативы, может быть только связью между стадом рабов и управляющим ими господином. С другой стороны, и развитие индивидуальности немыслимо без одновременного развития общественных, солидарных чувств. Что бы ни говорили нищестанствующие аристократы и индивидуалисты, свободный, высоко-развитый человек не может мириться с общественным угнетением, не может жить в обществе рабском. Если его удовлетворяет то, что он, лично, стоит выше окружающих, то его развитие — однобокое: в нем остались неразвитыми лучшие человеческие чувства, справедливости, симпатии, солидарности. Вот почему стремление к полному развитию человеческой личности приводит нас к признанию наиболее полной формы общественной солидарности. Мы — коммунисты не вопреки тому, что мы анархисты, а именно в силу этого.

Не разбирая здесь коммунизма вообще, заметим только, что общее владение орудиями производства и общее пользование продуктами труда неизбежно требует и соответственной формы общественной организации, и здесь вопрос экономический тесно связан с вопросом политическим. Наш политический идеал известен: это — свободный союз независимых общин, производительных и других групп, ассоциаций, федераций. Но это уже составляет известную форму организации, и притом форму, развивающую в людях большую солидарность, более полное отождествление своих интересов с интересами общественными, чем какая бы то ни была другая. Эту-то свободную, добровольную организацию, — это вольное соглашение мы и противопоставляем всякой организации принудительной, иерархической, и считаем, что она делает человеческий союз теснее и

прочнее.

***

Пока речь идет только об общественном „идеале“, с нами еще, пожалуй, соглашаются: „идеал“ — дело далекое, и в мечтах можно, конечно, позволить себе залетать куда угодно, раз это ни к чему не обязывает сейчас. Но в том-то и дело, что известный общественный идеал обязывает сейчас, и для последовательного человека не может быть раздвоения; одно — в идеале, другое, совершенно противоположное — на практике. Предвидят исчезновение государства не только анархисты, но и социальдемократы: известную фразу Энгельса на этот счет не стоит повторять. Разница только в том, что Энгельс говорит, что государство не будет уничтожено, а само уничтожится; мы же, не желая рассчитывать на это „само“, находим, что должны приложить свои силы для ускорения этого уничтожения. Разница еще в том, что, предвидя уничтожение государства в будущем, социальдемократы делают в настоящем все для усиления и распространения принципа государственности, предоставляя выпутаться из этого положения людям того момента, когда произойдет „скачек из царства необходимости в царство свободы“ и сильное государство перейдет в свою противоположность, т. е. в полное отсутствиеоного. Мы же не рассчитываем на подобное диалектическое волшебство и считаем, что вернее всего будет позаботиться о своих делах заблаговременно. „На Бога надейся, а сам не плошай“.

Находя вредным всякое принуждение, всякую власть в будущем, мы, поэтому, делаем уже в настоящем все возможное, чтобы подорвать ее. Вот почему мы исключаем всякий централизаторский элемент из наших партийных организаций.

***

Понятие партии нам далеко не чуждо, как думают многие. Но мы понимаем под партией не совокупность людей, объединенных под властью одного центрального комитета, а совокупность всех тех, кто ставит себе одну и ту же цель и стремится к ней однохарактерными путями. В этом смысле анархисты представляют собою партию, и притом партию *всемирную*, мы можем даже сказать, что редко в какой партии единство цели так велико, и разногласий в этом отношении так мало.

Что касается средств, то они, конечно, меняются в зависимости от времени и условий: в одной стране анархисты могут ставить на первое место террористическую партизанскую борьбу, в другой — работу в профессиональных союзах, в третьей — теоретическую пропаганду в партийных группах; но все эти приемы деятельности не противоречат один другому, а только дополняют друг друга. Отсутствие программы-минимум, которая могла бы служить источником разделений, и полное согласие относительно цели создают единство, которого нельзя достигнуть никакими искусственными мерами.

Вот почему мы говорим об анархической партии, единой во всем мире. На практике, между анархистами одной и той же страны, одного и того же языка, устанавливается, конечно,

еще более тесная связь, и в этом, более тесном, смысле мы опять-таки можем говорить об „анархической партии" в России, во Франции, в Испании и т. д.

Как же представляем мы себе такую партию, в последнем, более узком смысле, т. е. в смысле людей, связанных не только общностью идеи, но и практическими сношениями?

В основе ее лежит группа — многочисленная или малочисленная, местная или даже состоящая из членов, живущих в разных городах. Группы многочисленные обыкновенно удобны только при пропаганде массовой и открытой, при которой людям нет особенной надобности близко знать друг друга. Но вести какую бы то ни было практическую работу, особенно работу конспиративную, в них, очевидно, невозможно. Партии централизаторского типа обходят это затруднение тем, что создают внутри группы комитет, ведающий более конспиративные дела и вообще играющий руководящую роль. Мы же отвечаем на этот вопрос иначе. Мы считаем, что та же цель достигается гораздо лучше созданием большого числа мелких групп, члены которых хорошо знают друг друга; в таких группах в подборе членов будет требоваться большая или меньшая осторожность, смотря по целям группы: та, которая задается целями особенно конспиративными, будет, разумеется, наименее доступна.

Каждая группа имеет право быть как ей угодно строгой в выборе своих членов, и это нужно запомнить всем, кто в силу какого то странного предрассудка предполагает, что анархическая организация должна быть открытая, и что в нее должен быть свободен доступ всякому. Мы категорически заявляем: нет, члены группы должны быть хорошо известны друг другу, и тем более известны, что они все равноправны. Мало того; они должны, вообще, подходить друг к другу как можно ближе; если же такая тесная связь невозможна, то лучше разбиться на несколько групп, чем составлять одну группу из разнородных элементов. Тесная связь членов группы между собою устраняет многие принципиальные и практические затруднения.

Как решаются, например, спорные вопросы? Разумеется не большинством голосов, потому что мы не придаем цены числу: сами — вечно в меньшинстве (таков всегда удел революционеров), мы знаем цену численного превосходства и не считаем решения правильным, только потому, что за него высказывалось 11 человек, а не 10. По каждому данному вопросу, в группе должны придти к соглашению; если же вопрос настолько важен, что никакие добровольные уступки невозможны, то непозволительно было бы прибегать к механическому давлению числа: тогда остается только разделиться.

Каждая такая группа — будь она постоянная, или созданная для определенных целей, должна быть совершенно свободна и автономна в своей деятельности. Она может входить или не входить в сношения с другими группами, устанавливая какие ей угодно связи или соглашения с теми или другими из них, смотря по роду своей деятельности. Группы одного города могут организовать местную федерацию (так происходило в России повсюду, где развивалось анархическое движение): эти федерации в свою очередь, в интересах дела, обыкновенно находят нужным сноситься между собою. Способы, какими ведутся эти сношения могут быть очень различны: возьмет ли их на себя одна из местных групп, или даже один из местных товарищей, почемунибудь легче могущий исполнять это, будут ли

группы чередоваться в этом деле (как было одно время в испанской рабочей федерации), или сношения будут вестись отдельными товарищами, имеющими личные связи (как обыкновенно происходит во французских группах) — это зависит от условий, и принципиального значения не имеет. Лишь бы каждая группа помнила, что о чем бы ни шла речь: о принципиальном вопросе или подготовке боевого акта, **принятое решение всегда обязательно только для тех, кто принимает его и кто с ним добровольно соглашается.** Это — основной принцип анархической организации, и его мы всегда должны иметь в виду при создании тех или других ее форм.

***

Помимо постоянной федеративной связи существенным средством общения между группами могут служить съезды. Вопрос о них поднимался не мало раз в анархической прессе после исчезновения Интернационала; многие товарищи высказывались вначале (80-ые годы) решительно против всякого рода съездов, и это было в то время вполне понятно: мысль о возможности таких съездов, где нет ни голосования ни давления большинства на меньшинство, возникла и привилась лишь позднее [1].

Однако анархисты не отказывались от участия на международных социалистических конгрессах, не считая возможным чуждаться движения из-за организационного вопроса: они были и на парижском конгрессе 1889 года, и на брюссельском 1891-го и на цюрихском (1893) и на лондонском (1896). И если с тех пор их участие прекратилось, то потому только, что социал-демократическое большинство сначала решило закрыть доступ на конгрессы группам, не признающим участия в парламенте (Цюрих, 1893), а затем обязало и делегатов рабочих союзов давать подписку о принятии парламентарного символа веры (последнее было вызвано присутствием на Лондонском конгрессе 1896 года большого числа анархистов, посланных рабочими союзами).

Участвуют наши товарищи и на конгрессах рабочих союзов, не смущаясь тем, что организационные правила этих конгрессов во многом расходятся с их собственными. Мы упоминаем об этом только потому, что уж очень принято говорить об анархистах, как о существах необщительных и неуживчивых по природе, годных только на то, чтобы разрушать чужие организации.

Устраивали и устраивают анархисты и свои, чисто анархические съезды. В Бельгии такие съезды происходят периодически, а в Англии — раз в год; собираются, или делегаты всех существующих групп, или только из нескольких городов. В Соединенных Штатах, где движение ведется главным образом выходцами из Европы, происходят такие же съезды анархистов различных национальностей; их устраивают и наши товарищи, русские выходцы, ведущие пропаганду на еврейском языке. Бывают анархические съезды и в Голландии, и даже в Германии.

Международные конгрессы анархистов всегда встречали большие затруднения в виду полицейских преследований. Неподготовленные, импровизированные конференции происходили в Цюрихе и в Лондоне во время общесоциалистических международных

конгрессов. Затем в 1900 году должен был состояться в Париже серьезный, задолго подготовленный съезд. На призыв группы товарищей, взявших на себя инициативу, откликнулись охотно, и ко времени съезда в Париже собралось довольно много анархистов, французов, итальянцев, голландцев, испанцев, американцев и т. д. Было получено больше 90 докладов по разным вопросам теории и практики, а также о ходе движения в разных странах [2]. Но конгресс был запрещен французским правительством на основании исключительного закона против анархистов, и пришлось ограничиться частными совещаниями между отдельными товарищами. На этом конгрессе, как и на всех анархических конгрессах, должны были читаться доклады, происходить прения, но не должно было быть никаких голосований, никаких обязательных решений.

Как известно, по инициативе бельгийских товарищей через несколько месяцев вновь предполагалось устроить международный съезд анархистов, на этот раз в Амстердаме. Он будет происходить по такому же плану.

Такие именно съезды признают анархисты, и считают их одним из важных средств для установления тесных связей между действующими группами.

Как смотрим мы на анархические органы, на партийную печать? — Может ли быть у анархистов газета, которая бы считалась органом всей партии и официальным выразителем ее мнений? Очевидно, нет. Газете приходится заниматься, не только вопросами, на которых все товарищи сходятся, но и такими, в которых существуют разногласия. В централизованных партиях, дело решается просто: орган находится в руках большинства и выражает его мнения, меньшинство же должно молчать. Для нас такое решение, разумеется невозможно; мы поэтому категорически отказываемся от всякой мысли об официальном органе. Газета — выражение мысли той группы, которая ее издает; своим органом ее могут считать только те, кто с ней согласен. Группы или товарищи, несогласные или просто смотрящие иначе на задачи газеты, могут издавать другой орган, и от этого между обоими изданиями не происходит никакой вражды [3]. В централизованных партиях, если меньшинство создает свой орган, то именно всегда против большинства. Этим оно вносит вражду в партию. У нас могут существовать рядом десятки органов, несколько не нарушая товарищеских отношений групп. Вот почему ни одна анархическая газета не считает себя выразительницей мнений всех анархистов; не претендуя на это, она и не может зато обещать печатать статьи всех оттенков анархизма. Она служит программе и оттенку мысли своей группы и тех, кто согласен с нею. — Эти несколько замечаний о газете нужны для русских читателей потому, что у нас еще не успели привыкнуть к такому складу анархической прессы и понятие об официальных партийных органах сидит еще глубоко.

***

Отсутствие у анархистов центрального учреждения, которое выражало бы мнение всей партии, обыкновенно считается причиной того, что у нас, как говорится, „всякий молодец на свой образец“. Но стоит только немного подумать, чтобы увидеть, что существование центрального комитета ничего на изменило бы. Положим, что в партии, по какому нибудь вопросу существует разногласие. При централистической организации это

разногласие, разумеется, не исчезает, а только подавляется дисциплиной; в результате, меньшинству нет возможности проводить свою точку зрения на практике, а всем членам партии— большинству или меньшинству — нет возможности увидеть, как решается данный вопрос самой жизнью. Разногласие обостряется, создается хронический внутренний разлад, сдерживаемый чисто внешним образом; обе стороны, вместо того, чтобы искать точек соприкосновения, все дальше расходятся.

Иначе происходит дело у анархистов. Возникает известный тактический вопрос, например, о том, идти или не идти в профессиональные рабочие союзы (так было напр. во Франции в половине 90-х годов). Большинство французских товарищей в предыдущие годы имели много случаев убедиться в косности этих союзов; их умеренность и политиканство кажутся им неисправимыми; они не верят в возможность сделать из них орудия революционной борьбы. Другие находят напротив, что есть признаки расширения задач этих союзов и развития в них революционного духа; войдя в них, они надеются углубить его. Решайся этот вопрос голосованием на конгрессе, большинство было бы несомненно на стороне первых, и вторым был бы отрезан всякий путь к испытанию на практике предлагаемого ими способа действия. Но произошло иначе. Вопрос обсуждался в группах, в газетах. Желавшие вступить в рабочие организации свободно могли поступать, как находили лучшим. Первые опыты их оказались успешными: рабочие понемногу переставали бояться анархистов и приучались ценить в них преданных и бескорыстных работников. Анархические идеи прививались. Этот жизненный опыт был лучшим аргументом: число анархистов „синдикалистов" быстро увеличилось, и теперь, за ничтожными исключениями, французские анархисты признали возможность и необходимость для рабочих союзов сыграть в революционный момент решающую роль. Вопрос решился жизнью, а не голосованием.

Невольно вспоминается, как ответила французская анархическая газета „La Revolte" на упрек, высказанный бывшим коммунаром Лефрансэ в брошюре „Куда идут анархисты?". Автор упрекает анархистов, между прочим, в том, что их принцип: „Делай что хочешь". Да, говорит „ La Revolte", „Делай что хочешь" — наш идеал общества, и мы считаем его неизбежным следствием отрицания власти человека над человеком. И разве сам Лефрансэ, и в 1848 году, и при Империи, и во время Коммуны, не показал своим примером, что никто никогда не мог заставить его делать то, чего он не хочет?

А мы прибавим: и не представляет ли этот принцип всегда и везде неотъемлемую принадлежность революционера? Да, анархист стремится к тому, чтобы люди делали то, чего они хотят, и своею деятельностью надеется не принудить людей к известным поступкам, а привести к тому, чтобы они хотели поступать так или иначе. Борьба силой мы будем с теми, у кого сила в руках и кто насильем удерживает свое господство. Но когда революция победит (а внутри революционной среды — уже и теперь), мы будем рассчитывать для дальнейшего распространения наших идей на одно только *вольное соглашение*.

Примечания

1 Пример существовал, однако, в съездах английских рабочих союзов (трэд-юнионов). Решение их съездов обязательны только для тех союзов, которые их подтвердят у себя, в союзе. - Ред.

2 Они составляют большой том, изданный при Temps Nouveaux в Париже. - Ред.

3 Любопытно заметить, что всякий раз появление нового органа усиливало обращение всех остальных. Заинтересовывались новые круги читателей. - Ред.

Всеобщая стачка

1906, источник: М. Корн "Революционный Синдикализм и Анархизм; Борьба с Капиталом и Властью; и др", - СПб-М.: Голос Труда, 1920. Настоящий доклад появился впервые в печати под псевдонимом „М. Изидина“.

Вопрос о всеобщей стачке, который еще так недавно обходила молчанием почти вся социалистическая литература, за исключением анархической, в последние годы выступил на первый план во всей Европе. Это случилось благодаря развитию в революционном направлении профессиональных рабочих союзов, которые теперь играют все большую роль в социалистическом движении и постепенно отодвигают на задний план парламентские социалистические партии. На всех интернациональных и национальных конгрессах, социал-демократии приходится обсуждать этот вопрос, от которого еще так недавно она отделялась известной фразой: „Всеобщая стачка есть всеобщая бессмыслица“; а последний международный конгресс (амстердамский) признал, хотя и неохотно, всеобщую стачку допустимым орудием борьбы.

В России идея всеобщей стачки выросла с удивительной быстротой. Еще каких-нибудь 5-6 лет тому назад заговорить о ней значило заговорить на каком-то чужом, непонятном ни для кого языке. Можно ли думать, говорили нам, о подобном средстве борьбы в стране, где даже самая мелкая стачка — преступление, и существующий правительственный строй делает невозможным движение, требующее открытой и широкой пропаганды, необычайной предварительной организации, замечательного единства действия. На деле оказалось, однако, что как только русское рабочее движение выросло настолько, что почувствовало свою силу, вышло на улицу, оно приняло всеобщую стачку как самое лучшее, самое верное средство борьбы. Первым крупным движением этого рода были южнорусские стачки 1903 года; затем грандиозная стачечная волна прокатилась по всей России после 9 января; наконец октябрьское движение 1905 г., приостановив экономическую жизнь столиц и оторвав Россию от всего остального мира, оказалось, по высоте революционного настроения и по своему могуществу, самым знаменательным из протекших до сих пор моментов русской революции. Этому движению удалось сделать то, чего не могла достигнуть ни идейная пропаганда, ни всеобщая ненависть к господствующему политическому строю, ни полувековая борьба революционеров, ни героизм террористических актов: правительство сдалось, оно оказалось бессильным перед напором всеобщей стачки. Ценны здесь для нас, конечно не сами уступки, а тот путь, которым они были достигнуты. Специально рабочее орудие борьбы — стачка — до сих пор служившее лишь для завоевания отдельных частичных улучшений, поднялось здесь на высоту средства борьбы с целым режимом; эту борьбу целиком вынесли на себе рабочие; как рабочие, силою давления своих профессиональных организаций, они добыли свободу печати, завоевали себе захватным порядком право собраний и свободу слова и показали путь, каким придется бороться и в будущем. Всеобщая стачка и захватный порядок — два тактические приема близкие анархическому мирозозерцанию — были именно в России проведены в жизнь полнее, чем

где бы то ни было.

Отрицать силу и значение всеобщей стачки после такого опыта — невозможно. Но этого мало: необходимо выяснить, под какими лозунгами идет и может идти борьба, как организуется она, к каким результатам приводит. Социал-демократия, признав в резолюции Амстердамского конгресса всеобщую, или, по принятой формулировке, „массовую" стачку пригодным орудием борьбы, вместе с тем поспешила заявить, что ее „массовая стачка" не есть „всеобщая стачка" анархистов. В чем же различие, и что понимаем под всеобщей стачкой мы?

Идея всеобщей стачки — идея не новая. Она возникла в Западной Европе в процессе рабочей борьбы, той стачечной борьбы, которая всегда была одной из главных форм протеста рабочего класса против капиталистического гнета. Стачки более или менее обширные и революционные, велись во всех странах по различным поводам и с разными целями — экономическими и политическими, профессиональными и общими.

Но одна черта объединяла все эти движения: они спланивали рабочих, противопоставляя их буржуазии, как одно солидарное целое, наглядно показывали деление общества на трудящихся и не трудящихся, на производителей и паразитов. В этом — социалистическое значение стачечной борьбы. На ней рабочие научились сознавать свое могущество и смотреть вперед, уже не только на улучшение своего положения, но и на свое полное освобождение. Сорок лет тому назад, Интернационал явился выразителем этих стремлений и провозгласил два великие принципа: международную солидарность и рабочую самостоятельность. Вместе с тем сейчас же заговорили о всеобщей стачке. Вопрос был поднят сначала на Брюссельском конгрессе (1868 г.), затем более подробно разбирался на Женевском конгрессе 1873 года, уже после раскола в Ассоциации; отметим, что поставила и обсуждала его именно федералистическая часть Интернационала, та, во главе которой стояла знаменитая Юрская федерация. В последующие годы, однако, мы не видим дальнейшего развития этой идеи, как не видим и попыток ее практического осуществления. Причина этого, с одной стороны — общая реакция, охватившая Европу после поражения Коммуны, с другой — то направление (тоже реакция в социализме), которое приняло рабочее движение. В предыдущие годы, целый ряд революционных движений вызвал много перемен в политическом строе европейских стран: были завоеваны, где республика, где всеобщее избирательное право, где другие политические реформы. Среди социалистов возникло и укрепилось направление, возлагавшее на эти новые учреждения все надежды; рабочие — как у нас теперь — еще не имели случая в них разочароваться. Принцип рабочей солидарности был забыт, а с ним была оставлена и мысль о всеобщей стачке. Парламентаризм и легальная политика надолго отвлекли внимание от чисто-рабочих способов борьбы.

О всеобщей стачке вспомнили больше 16 лет спустя, когда в 1885-87 г. г. в Америке поднялось сильное движение в пользу 8-ми часового рабочего дня. Это было именно то движение, которое послужило началом первомайских манифестаций, и мы не можем не напомнить всем, кто теперь принимает участие в демонстрациях 1-го мая, что за него поплатились жизнью наши товарищи-анархисты, повешенные в Чикаго 11 ноября 1887 г. — Вскоре мысль о всеобщей стачке перенеслась в Европу и быстро стала приобретать себе

сторонников, особенно среди французских рабочих. Вместе с тем, по мере того, как над ней стали задумываться, изменился и самый взгляд на нее: из средства достижения уменьшения рабочего времени, увеличения заработной платы и т. под., она стала в глазах рабочих, средством *полного освобождения* рабочего класса.

В 1888 году во Франции происходил съезд рабочих союзов; на нем в первый раз вопрос о всеобщей стачке был поставлен и разрешен именно в этом смысле. На следующих конгрессах, в 1892 и 1893 гг., он снова обсуждался; прения были очень горячие, новая идея встретила сильный отпор в социал-демократических рядах. Решительным моментом был съезд 1894 года, в Нанте: обе партии выставили самые убедительные аргументы, самых лучших своих ораторов; весь съезд был поглощен этим вопросом. Наконец идея всеобщей стачки была окончательно признана, и с тех пор стала лозунгом французского рабочего движения, основною чертою того течения, которое в последние годы приняло название „революционного синдикализма“.

***

Как всякая новая идея, однако, всеобщая стачка не сразу приняла во взглядах наших западно-европейских товарищей ту форму, в которой мы находим ее теперь. Вопросы выяснялись мало-помалу. Много заблуждений отошло в вечность. Практика стачек, частных и общих, дала ряд указаний и помогла разрешить вопрос о том, чем может быть и как может произойти всеобщая стачка. Во первых, что такое всеобщая стачка? Неужели ждать, пока все рабочие всей страны бросят работу? Практика показала, что это совершенно лишнее, что при наличности горючего материала в рабочей среде достаточно приостановки одной какой нибудь отрасли, важной для общего хода экономической жизни. Особенно грозными оказывались всегда стачки железнодорожных и портовых рабочих и служащих; не даром правительства (во Франции, в Италии, в Голландии и т. д.) пытались и пытаются внести такие законы, которые бы предотвратили эти стачки, или путем полного запрещения их, или путем призыва железнодорожников на военную службу в момент стачки, или путем замены стачечников солдатами. В России зверские правительственные убийства на железнодорожных линиях, карательные поезда, постоянная посылка войск на станции — лучшие свидетели панического страха, внушаемого железнодорожной стачкой. Кроме того, всякая стачка, охватившая какую нибудь важную отрасль промышленности, неизбежно ведет к приостановке работ в других отраслях с нею связанных и заставляет бастовать поневоле целую массу рабочих. Это — один из путей расширения стачки; другой — самый существенный — вытекает из накопившегося недовольства, из заразительности примера, из духа рабочей солидарности. Быстрота и легкость, с какою рабочим в России удавалось во время стачки снимать работавших, закрывать фабрики и мастерские и в несколько часов остановить жизнь любого промышленного центра, служат лучшим доказательством того, что для успеха стачки вовсе не нужно, чтобы к движению заранее примкнули все рабочие.

Вопрос о предварительной организации всеобщей стачки, об управлении ею, о декретировании ее в определенный момент, — тоже один из важнейших, в практическом отношении вопросов. Относительно его существует, в России в особенности, много заблуждений и предрассудков; Россия еще имеет мало опыта в массовых революционных

движениях и русские деятели склонны придавать преувеличенное значение решениям тех или иных партийных организаций, забывая, что жизнь партии и жизнь массового движения следуют совершенно различным законам. Вот почему стачки декретированные никогда не удавались, а те которые возникали стихийно, принимали неожиданно широкие размеры и разрастались в грандиозные революционные движения. В самом деле, как развивается обыкновенно стачка, когда она становится всеобщей? Начинают бастовать по какому нибудь поводу рабочие одного завода или одной мастерской; затем, если настроение боевое, их требования поддерживают рабочие других заводов, попутно выставя и свои. Стачка разрастается, питаясь сопротивлением хозяев и начинающимися правительственными репрессиями. Начинаются собрания, демонстрации, возникают „стачки из солидарности" в других отраслях. Если движение идет достаточно быстро и подъем духа силен, рабочие закрывают все, что еще работает, стачка становится всеобщей. В этот момент город, — а иногда и целый ряд городов — фактически во власти рабочих. Это — самый решительный, самый критический момент движения; от него зависит вся судьба его. И вот во взгляде на этот-то момент мы решительнее всего расходимся с социалистами государственниками всех фракций.

Самый важный вопрос в это время: останется ли всеобщая стачка мирной: „стачкой со сложенными руками", или же станет революционной, перейдет в наступление? Мы отвечаем: чтобы движение быстро не пошло на убыль, этот второй шаг необходим. Наш ответ вполне сходится с тем, какой дают французские рабочие, лучше всех других разработавшие вопрос о возможном характере, и исходе всеобщей стачки. Вот что говорится, например, в одной брошюре Пеллутье [1], одного из самых видных деятелей рабочих союзов во Франции: „Всеобщая стачка не будет движением мирным, потому что если бы даже такое движение было возможно, оно не привело бы ни к чему. Если говорить о том, у кого будет больше средств, то преимущество всегда останется на стороне богатых; победить деньги может только сила. Иногда говорят, что рабочие могут сделать себе запасы заранее; но ведь буржуазия может сделать это еще легче! Допустим, однако, что с обеих сторон окажется одинаковое количество запасов. Ну, а когда они выйдут, что тогда? Представьте себе такую сцену: с одной стороны — буржуа, с другой — рабочие, все — голодные, а между ними в бездействии, все средства производства, т. е. путь к тому, чтобы утолить свой голод.... Допустим даже, что буржуа уступят первые. Чего же потребуют от них рабочие? Полного отречения? Тогда, раз уж погибать, буржуа предпочтут попытаться счастья в борьбе, и всеобщая стачка превратится в революцию. Но возможно, что рабочие потребуют только некоторых уступок..., но тогда через, несколько лет, та же история возобновится: Нет, я говорю прямо, что всеобщая стачка, "это —революция".

Брошюра Пеллутье была написана лет 8-9 тому назад, и вот что говорилось в 1900 году на съезде французских рабочих организаций в Париже:

“ „Если вы стремитесь ко всеобщей стачке, говорит один делегат, вы должны подумать о том, что последует за нею, о роли рабочих после победы. Нужно например, чтобы булочники знали, сколько хлеба нужно напечь для данной местности, какими средствами они для этого располагают и т. д.". „Когда мы провозгласим всеобщую стачку, говорит другой, мы должны будем иметь

смелость сделать ее революционной... Она будет пробуждением рабочей энергии, завоеванием всех орудий производства". Третий объясняет: „Если мы устроим всеобщую стачку, то именно для того, чтобы завладеть средствами производства, чтобы отнять их у имущих классов, которые, конечно, не захотят отдать их добровольно. Нужно, поэтому чтобы всеобщая стачка приняла революционный характер; к этому ее приведут, впрочем, сами события". Тот же взгляд проводится и в ряде статей о всеобщей стачке, помещенных в сборнике „Всеобщая стачка и социализм", изданном года полтора тому назад Лагарделем [2]. Перед Амстердамским конгрессом редакция журнала „Mouvement Socialiste", издаваемого им, разослала видным деятелям социализма и рабочего движения ряд вопросов относительно их понимания всеобщей стачки. Ответы социал-демократов выражают, или совершенно отрицательное отношение к ней, или крайне суживают ее задачу; ответ представителей рабочих организаций, особенно французских, носят обратный характер. Вот, между прочим, что говорит Гриффюэль, секретарь Французской Всеобщей Конфедерации Труда: „Всеобщая стачка, в ее современном виде, не является для рабочих простой приостановкой работы: она есть завладение всем общественным богатством, которое будет затем эксплуатироваться корпорациями, в частности синдикатами, в пользу всех..."

Такое понимание всеобщей стачки есть и наше понимание. Оно естественно вытекает из нашей основной точки зрения непосредственной *экономической* революции, непосредственного захвата рабочими всех орудий труда и наличных богатств, — и тесно связано с нею. Вот почему этот взгляд никогда не будет разделяться теми социалистическими партиями, которые идут к социализму через захват власти, и почему между социал-демократическим пониманием всеобщей стачки и нашим всегда будет целая пропасть.

Итак, для нас, всеобщая стачка — разрастающаяся сама собою, стихийно, благодаря боевому настроению рабочей среды, а не декретированная каким-нибудь центральным органом — первый шаг революции, шаг который должен дезорганизовать буржуазные и государственные силы и крайне затруднить для них борьбу. За этим шагом должен последовать второй — экспроприация. Всеобщая стачка, в наших глазах, — слишком могучее средство для достижения политических реформ или частичных улучшений. Когда, хоть на один день, рабочие становятся господами положения, не воспользоваться этим для решительного боя и для решительной победы мы считаем положительно преступным. Пора уже, чтобы рабочие силы и рабочая кровь перестали тратиться даром.

Примечания

1 "Qu'est-ce que la Greve Generale".

2 "La Grave Generate et le Soewlisme".